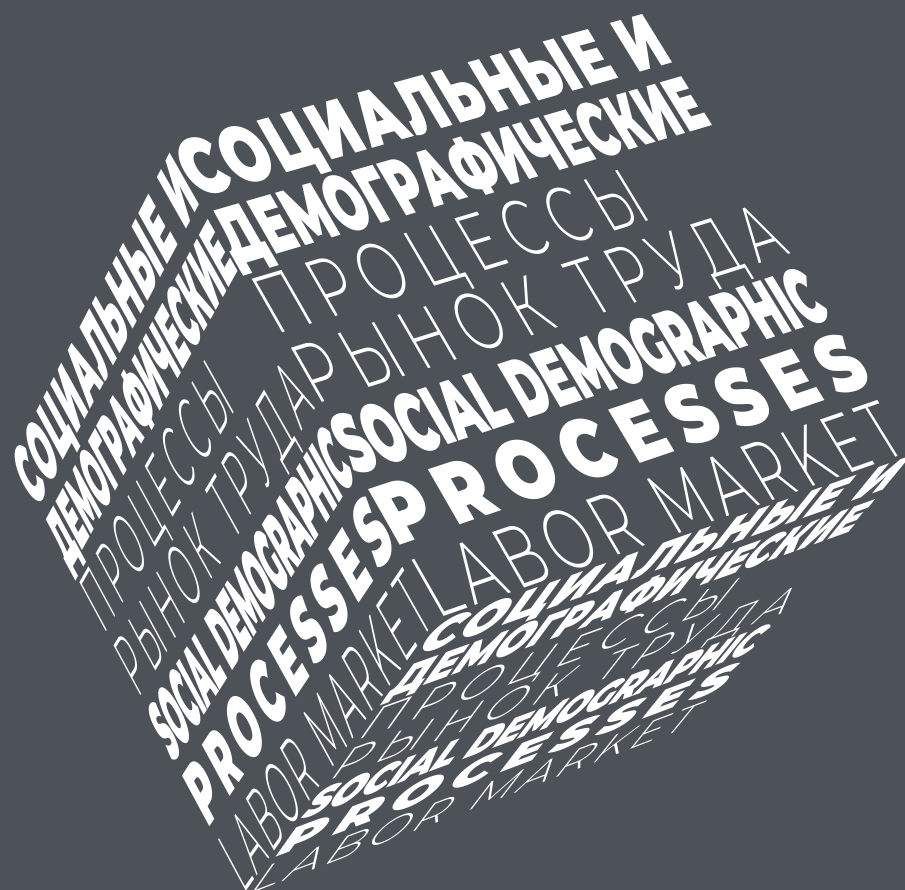

13/23

ПРЕПРИНТЫ

Д. М. ЛОГИНОВ , В. Н.ТИТОВ, М. А. ЕЛИСЕЕВА

ВКЛЮЧЕННОСТЬ РОССИЯН
В СИСТЕМУ СОЦИАЛЬНЫХ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ»

**ВКЛЮЧЕННОСТЬ РОССИЯН
В СИСТЕМУ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ**

ЛОГИНОВ Д.М.

Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС,
старший научный сотрудник, кандидат экономических наук

ORCID: 0000-0002-2717-6909

E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

ТИТОВ В.Н.

Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС,
ведущий научный сотрудник, доктор экономических наук

ORCID: 0000-0002-7185-2070

E-mail: titov-vn@ranepa.ru

ЕЛИСЕЕВА М.А.

Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС,
научный сотрудник

ORCID: 0000-0002-2057-9393

E-mail: eliseeva-ma@ranepa.ru

Аннотация

Цель исследования состоит в выявлении особенностей системы социальных взаимодействий, в которую включены различные группы россиян в текущих условиях. Сфокусированное рассмотрение системы социальных взаимодействий является **актуальным** с точки зрения субъективного благополучия населения в условиях нестабильности последних лет – как эмоционального комфорта россиян, так и в контексте возможностей получения ими помощи и поддержки со стороны социального окружения в случае необходимости. **Информационной базой** исследования выступают данные массового анкетного опроса, реализованного 2023 году по общероссийской репрезентативной выборке. Анализ эмпирических данных позволил получить **результаты**, описывающие возможности доверительного общения россиян, уровень межличностного и институционального доверия в обществе, динамику доверия за пределами ближнего родственно-дружеского круга, а также возможности и ограничения включенности населения в систему социальных взаимодействий, имеющих ресурсную значимость. Основными **выводами** являются следующие: при наличии партнеров по доверительному общению у подавляющего большинства россиян, значительный круг подобных контактов характеризует немногим более 40%; уровень декларируемого социального доверия в отношении представителей «ближнего круга» достаточно высок, но в отношении государственных органов – существенно ограничен; динамика социального доверия россиян за пределами узкого круга родственно-дружеского общения имеет негативный характер; расширенными и высокими социальными возможностями в контексте получения помощи характеризуются, соответственно, около четверти и пятой части россиян. Направлениями дальнейшей работы по тематике исследования выступает анализ факторов, влияющих на уровень институционального доверия, сплоченности и взаимной поддержки, направленный на обоснование возможностей совершенствования социальной среды.

Ключевые слова: социальные взаимодействия, социальные практики, социальное поведение, социальная сплоченность, социальный капитал, население, субъективное благополучие

JEL Classification: I31, Z13

RUSSIANS' INVOLVEMENT INTO SYSTEM OF SOCIAL INTERACTIONS

DMITRY LOGINOV

The Russian Presidential Academy of National and Public Administration,
Senior Researcher, PhD (Econ). ORCID: 0000-0002-2717-6909

E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

VLAGIMIR TITOV

The Russian Presidential Academy of National and Public Administration,
Leading Researcher, Dr. Sci. (Econ). ORCID: 0000-0002-7185-2070

E-mail: titov-vn@ranepa.ru

MARINA ELISEEVA

The Russian Presidential Academy of National and Public Administration,
Researcher. ORCID: 0000-0002-2057-9393

E-mail: eliseeva-ma@ranepa.ru

Annotation

The **aim** of the study is to reveal features of social interactions system in which various groups of Russians are involved in actual conditions. Focused consideration of the social interactions system is **relevant** in terms of Russians' subjective well-being under instability of the recent years – both their emotional comfort and in the context of possibility to get help and support from social surrounding if necessary. The **informational base** of the study is the data of the survey carried out in 2023 according to representative sample all over Russia. The analysis of empirical data allowed to obtain the **results** describing the possibilities of trusting communication among Russians, the level of interpersonal and institutional trust in society, the dynamics of trust outside the closest relatives and friends circle and also opportunities and restrictions of Russians' involvement into the system of social interactions which have resource significance. The main **conclusions** are the following: even though the most Russians have partners on trusting communication, a little more than 40% are characterized by significant number of such contacts; the level of declared social trust to representatives of “the closest circle” is quite high, but is significantly limited to state bodies; the dynamics of Russians' social trust outside the closest circle of friends and relatives has negative character; about a quarter and a fifth of Russians, correspondingly are characterized by enlarged or high social opportunities of getting assistance. The direction of the further work on the survey theme is analysis of factors influencing the level of institutional trust, unity, and mutual support, directed at explaining of opportunities social environment enhancement.

Key words: social interactions, social practices, social behaviour, social unity, social capital, population, subjective well-being

JEL Classification: I31, Z13

Содержание

Введение.....	6
1 Концептуально-теоретические подходы к исследованию социальных взаимодействий.....	8
2 Методология исследования	16
3 Доверительные социальные взаимодействия	17
4 Потенциально ресурсные социальные взаимодействия	26
Заключение.....	33
Благодарности	35
Список использованных источников.....	36

Обозначения и сокращения

в т.ч.	– в том числе
г.	– год
д-р экон. наук	– доктор экономических наук
и т.д.	– и так далее
ИНСАП	– Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС
канд. экон. наук	– кандидат экономических наук
млн	– миллион
п.п.	– процентный пункт
РАНХиГС	– Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
т.е.	– то есть
т.п.	– тому подобное
тыс.	– тысяча
чел.	– человек

Введение

Начало 2020-х годов стало для российского населения периодом многоаспектной нестабильности. Прежде всего, институциональная среда оказалась подвержена существенной и разнообразной динамике, связанной с пандемией коронавируса и административными ограничениями, направленными на противодействие ее распространению, что, безусловно, определило значимые условия реализации жизненных практик различных групп населения. Завершение активной фазы коронавирусной эпидемии совпало с новым этапом нестабильности, вызванным динамичными изменениями социально-экономического контекста начиная с весны 2022 года. В этих условиях приобретает особую актуальность сфокусированное рассмотрение системы социальных взаимодействий, в которую включены различные группы российского населения, что представляется важным с точки зрения субъективного благополучия россиян – как их эмоционального комфорта, так и в контексте возможностей получения помощи и поддержки со стороны социального окружения в случае подобной необходимости.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей системы социальных взаимодействий, в которую включены различные группы россиян в актуальных условиях.

В исследовании решается ряд задач. В первом разделе проанализированы концептуально-теоретические подходы к исследованию социальных взаимодействий. Практические задачи реализованы на основе специально разработанной методологии, предполагающей сбор, обработку и анализ эмпирической информации, полученной в ходе реализации массового анкетного опроса населения. В работе использованы данные опроса, реализованного по репрезентативной для взрослого населения России выборке в марте 2023; объем выборочной совокупности составил 2016 респондентов.

Анализ эмпирических данных позволил рассмотреть широту круга доверительного общения россиян и динамику межличностных отношений с родственниками и близкими друзьями на горизонте прошедшего года. Выявлены уровень межличностного и институционального доверия, а также субъектная дифференциация доверительных отношений. Показана динамика межличностного доверия, за пределами «близкого круга» родственников и друзей.

Важным направлением анализа выступает рассмотрение ресурсной значимости системы социальных взаимодействий, в которую включены различные группы населения. В данном контексте рассмотрены распространенность получения материальной помощи от проживающих отдельно представителей социального окружения, а также структура субъектных групп, воспринимаемых россиянами потенциальными акторами помощи и поддержки в случае необходимости. На основе разработанной типологии в исследовании показана дифференциация различных групп населения страны по уровням имеющихся потенциальных ресурсных взаимодействий.

1 Концептуально-теоретические подходы к исследованию социальных взаимодействий

Проблематика социальных взаимодействий и отношений лежит в основе социологии. Изучение этой проблематики опирается на давнюю традицию исследований. Здесь можно выстроить ряд от знаменитой работы Дюркгейма «Самоубийство» [1] и функционалистского анализа общества Парсонса [2], который обращает внимание на ценности и нормы, лежащие в основе социальных взаимодействий, до теорий капитала Бурдье и его анализа социальной дифференциации [3]. Концептуальное разнообразие подходов к изучению проблематики социального взаимодействия варьируется от социального капитала до социальной сплоченности и социальных сетей.

Пожалуй, наиболее последовательный подход к изучению данной проблематики представлен в работе П. Штомпки [4], который последовательно рассматривает переход от социального действия до социальных взаимодействий и социальных отношений. Исследователь выделяет четыре теории взаимодействия.

«Бихевиористическая» теория характеризует взаимодействие как связанное друг с другом поведение субъектов, в рамках которого взаимодействие (интеракция) понимается в данном случае как поведение, основанное на обмене стимулами. Видный представитель бихевиоризма и основоположник теории социального обмена Джордж Хоманс рассматривал интеракцию как процесс обмена стимулами и реакциями между двумя субъектами [5].

Согласно «теории обмена» или ее разновидности – «теории рационального выбора» взаимодействие трактуется как обмен между двумя индивидуумами на основе анализа личных затрат и выгод обмена определенными ценностями [6]. Люди, участвующие в обменных взаимодействиях, стремятся максимизировать свою выгоду (полезность) и минимизировать временные затраты на обмен ресурсами [7]. Согласно этой теории, акторы могут стремиться установить социальные отношения, чтобы получить больше выгод. Исходная предпосылка максимизации-минимизации состоит в том, что участники обмена действуют рационально. При этом «выгоды» и «издержки» могут быть различной природы – от прямой финансовой прибыли до удовлетворения эмоционального импульса. Таким образом, рациональность имеет субъективный характер, т.е. расчеты выгод и издержек осуществляются на основе

индивидуальных предпочтений. Основной недостаток теории рационального выбора состоит в том, что любое действие изначально трактуется как рациональное, хотя данное качество нуждается в более полном обосновании.

Третье теоретическое направление – символический интеракционизм – пытается более точно раскрыть механизм социального взаимодействия и проникнуть в содержание «черного ящика» восприятия. Основоположники символического интеракционизма Чарльз Х. Кули [8] и Джордж Г. Мид [9] на передний план при изучении взаимодействий выносили обмен символами, имеющими определенное значение для участников. Взаимодействие трактуется прежде всего как процесс коммуникации. Механизм социального взаимодействия может быть представлен в виде определенной смены этапов: «узнавание» партнера, его идентификация как «значимого другого», определение ситуации, в которой происходит взаимодействие, взаимная интерпретация используемых в коммуникации символов, «принятие роли другого».

Четвертое направление, которое выделяет П. Штомпка, условно можно обозначить как драматургическая теория, автором которой был И. Гофман [10]. Данная теория, также как и символический интеракционизм, относится к так называемой «интерпретативной социологии». Уподобляя социальный мир театру, данная теория полагает, что участники социальных взаимодействий играют некие социальные роли, стремясь управлять впечатлениями и добиться социального признания. Тонкий анализ Гофманом различных ситуаций взаимодействий позволяет обнаружить влияние контекста, а также многообразные приемы управления впечатлениями с помощью гибкой подстройки под ожидания аудитории.

Социальные сети взаимодействий можно описывать и анализировать по различным характеристикам, в том числе, количества и качества социальных взаимодействий. Социальные взаимодействия являются предпосылкой обмена ресурсами и социальной поддержки. Однако нельзя обязательно предполагать, что увеличение числа социальных контактов сопровождается увеличением доступности ресурсов и вспомогательных услуг. Другой потенциал дифференциации обусловлен уровнем, на котором можно классифицировать социальные отношения. В то время как на микроуровне исследуются социальные взаимодействия личности, на мезоуровне изучаются сети отношений в рамках институциональных образований, которые могут также измеряться на основе показателей доверия и норм.

Основным качественным измерением на микроуровне социальных взаимодействий является социальная поддержка. Если уровень социальных контактов является мерой количества социальных отношений, то социальная поддержка выступает характеристикой качества этих взаимодействий. В исследованиях социальной поддержки проводится различие между ее объективными и субъективными аспектами [11]. Ощущение возможности получения подобной помощи в сложной или чрезвычайной ситуации может смягчить негативные последствия острого стресса, даже без фактического получения ресурсов [12]. Функциональный аспект социальных отношений обычно включает в себя различные формы помощи на эмоциональном, инструментальном и информационном уровнях.

Эмоциональная поддержка относится к тем социальным контактам, которые связаны с разговорами о собственных чувствах, обсуждениями повседневных страхов и тревог, которые обеспечивают подтверждение симпатии и привязанности [13]. Инструментальная поддержка включает в себя различные формы практической помощи (например, помощь в домашнем хозяйстве, присмотр за детьми, заимствование денег или других материальных продуктов). Информационная поддержка включает в себя все те услуги, которые предоставляют знания для решения конкретных проблем или знания о доступе к конкретным ресурсам, например, внутри сообществ. В *таблице 1* представлен краткий обзор различных аспектов социальной поддержки.

Таблица 1

Различные функции социальной поддержки

Функции	Примеры	Потенциальные выгоды
Эмоциональная поддержка	Разговоры о чувствах, заботах, страхах, подтверждение симпатии и привязанностей	Сокращение воспринимаемых угроз для повседневной жизни, усиление уверенности в своих силах, улучшение жизненных стратегий
Инструментальная поддержка	Деньги, транспорт, забота о детях, помощь по дому	Помощь в решении практических проблем, предоставление времени для отдыха, помощь в разработке стратегий по решению жизненных проблем
Информационная поддержка	Информация о ресурсах, предложение альтернативных и более эффективных стратегий действий	Увеличение количества полезной информации, способствование доступности получения необходимой поддержки, более эффективному управлению

Продолжение таблицы 1

Функции	Примеры	Потенциальные выгоды
Дружеская поддержка	Партнерство для совместных активностей (спорт, театр, кино, путешествия и т.п.)	Позитивный эффект, избавление от повседневных обязанностей и забот, позитивное отвлечение
Подтверждение (обратная связь, социальное сравнение)	Предложение ориентироваться на нормы и ценности, обратная связь по индивидуальному статусу по сравнению с другими людьми	Сокращение субъективного восприятия собственных отклонений, возможность благоприятных сравнений

Источник: [14].

Исследовательский подход к социальной поддержке уделяет особое внимание индивидуальному уровню, изучая формы поддержки, доступные индивидам. Также изучается общая структура сетей с тем, чтобы иметь возможность определить структурную обусловленность индивидуальных вспомогательных услуг и возможностей [15].

Еще одним аспектом системы социальных взаимодействий является социальная сплоченность, которая относится к субъективным оценкам связей между членами социальных групп. Внутри каждой группы существует определенная степень социальной сплоченности. Исследователи проводят различие между структурной сплоченностью и воспринимаемой сплоченностью, чувством единения отдельных членов [16]. Подчеркивая чувство принадлежности, которое имплицитно включает в себя общие ценности и нормы, концепция воспринимаемой социальной сплоченности приближается к концепции социального капитала.

Важное внимание при изучении социальной сплоченности уделяется индивидуальным оценкам и восприятиям соответствующих групп, а также реальной деятельности отдельных лиц внутри групп. Сильная сплоченность внутри социальных групп чаще сопровождается усилением социального контроля внутри, в то время как для внешнего мира такие группы остаются относительно закрытыми [17]. Примеры таких сплоченных групп можно найти среди иммигрантов или членов сельских общин, которые склонны строить между собой прочные связи, но остаются относительно закрытыми для внешнего мира.

Обе концепции – социальный капитал и социальная сплоченность – учитывают возможность негативных процессов внутри социальных групп: социальная изоляция, стигматизация, дискриминация. Группы с высокой социальной сплоченностью, как правило, мало контактируют с другими группами. Контакты

между различными группами могут поддерживать позитивное отношение к другим, а также уменьшать предрассудки и негативное отношение. Это изучалось, в частности, в контексте исследований различных этнических групп [18].

В рамках сетевого анализа постулируется идея о том, что отдельные действия встроены в общую сеть межличностных отношений [19]. Основное внимание в данном случае уделяется не только отношениям между индивидами и другими участниками социальной сети; сетевой анализ – это исследование всей сети взаимоотношений. Социальные взаимодействия можно объяснить не только характеристиками индивидов, но и их интеграцией в социальную среду [20]. Графические сетевые модели разрабатываются для иллюстрации этих социальных отношений. Важная идея сетевых исследований заключается в том, что можно не только определить положение человека в социальной сети, но и, раскрывая структуры сети, анализировать возможности контакта, влияния и контроля внутри сетей. Эти структуры, которые можно описать с помощью теоретических концепций сети (таких как узлы, плотность, центральность и положение), используются для описания социальных взаимодействий. Сложность социальных сетей обусловлена различными возможными формами и типами взаимодействия между отдельными людьми и группами.

Социальные сети можно различать по их характеру, который может быть формальным в случае организаций и объединений или неформальным в случае личных, родственных или дружеских сетей и контактов. Более того, возможна дифференциация по частоте, интенсивности, размеру и охвату сетей. Ранние сетевые исследования концентрировались в основном на этих, более количественных, аспектах социальных отношений. Социальную сеть можно понимать как интеграцию людей в социальные группы, ассоциации или добровольные организации; количество социальных контактов с семьей, родственниками и друзьями; а также наличие и доступ к социальным и межличностным ресурсам. В то же время социальная сеть поддерживается нормами и ценностями, задающими ориентации индивидуальных действий, которые создаются и поддерживаются социальным взаимодействием. Для измерения степени социальной интеграции в социальных сетях были разработаны многочисленные индикаторы (индекс социальной интеграции Беркмана, индекс социальных связей Каплана) [21]. В последнее время сетевые исследования также все чаще пытаются расширить количественное

понимание социальных сетей и включить качественные аспекты в их изучение, например, путем рассмотрения доступности ресурсов или общих норм и ценностей внутри сетей.

Однако в сетевых исследованиях на первый план выходят формальные и методологические вопросы, а не разработка общей теоретической основы. Пока существуют лишь отдельные подходы, направленные на анализ отношений внутри сетей рассмотрением культурных и символических аспектов [22].

Социальный капитал понимается как ресурс, который производится не отдельными людьми, а только посредством социального взаимодействия с другими [23]. В социологии можно выделить две исследовательские традиции: французскую, представленную Бурдьё, и американскую, включающую работы Джеймса Коулмана и Роберта Патнэма. Оба представляют разные взгляды на социальный капитал.

Согласно Бурдьё, помимо экономического, можно также говорить о культурном и социальном капитале. Социальный капитал позволяет обеспечить доступ к различным ресурсам посредством сложной сети социальных взаимодействий [3]. Индивидуумы могут инвестировать в эти социальные отношения, чтобы получить доступ к социальному капиталу, который, в свою очередь, может повлиять и на другие формы капитала.

Коулман и Патнэм понимают социальный капитал скорее как характеристику социальных сетей и, соответственно, акцент делается на межличностном уровне. В отличие от других форм капитала, социальный капитал присущ структуре отношений между акторами и между акторами [24, с.300]. На первый план выходит вопрос о том, как и при каких условиях, формируется социальный капитал в социальных сетях [25]. В более поздних формулировках своих работ, особенно в «Боулинге в одиночку», Патнэм расширяет эту концепцию, включив в нее множество других типов социальных взаимодействий, таких как написание поздравительных открыток, совместная трапеза за обеденным столом, игра в карты с друзьями, развлечения, наличие друзей дома и т.д. [26]. Эта более поздняя трактовка подчеркивает важность социальных взаимодействий для различных целей.

Марк Грановеттер также пишет о важности личных сетей и информационных каналов для успеха на рынке труда. Бурдьё описывает социальный капитал как одну из трех форм капитала (экономического, культурного и социального) который в основном находится в индивидуальной собственности. Социальный капитал,

согласно Бурдые, это сумма ресурсов, которые достаются отдельному человеку или группе благодаря обладанию прочной сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания [27]. Все эти авторы объясняют индивидуальные преимущества, возникающие в результате прямого или косвенного участия в определенных типах сетей.

Рассмотрение социального капитала на микроуровне индивидуумов осуществляется на основе концепций социального взаимодействия и социальных сетей поддержки. Социальная поддержка чаще всего начинается с близких и достаточно прочных социальных связей. Концепция социального капитала различает сильные и слабые отношения. Слабые социальные связи с большей вероятностью предоставят новую информацию и ресурсы. Эта тема обсуждалась как концепция «силы слабых связей» [28]. Тезис, предложенный Грановеттером, утверждает, что не частые, тесные и интенсивные отношения («связывающий» социальный капитал) могут обеспечить соответствующие ресурсы, например, доступ к рынку труда. Скорее, доступ к этим ресурсам облегчается благодаря контактам, которые характеризуются более низкой частотой контактов и меньшей интенсивностью. Эти контакты, называемые связующим социальным капиталом, отличаются тем, что они устанавливаются между разными социальными группами и увеличивают вероятность доступа к определенным ресурсам [13]. Напротив, сравнительно тесные контакты с большей вероятностью обеспечивают инструментальную и эмоциональную поддержку [29].

Социальный капитал, рассматриваемый на мезо- или макроуровне, может определяться и как свойство социальных групп, и как характеристика сообщества. На основе регистрации индивидуальных оценок, таких как взаимность и доверие к соответствующей среде обитания, социальная и добровольная приверженность, а также общее отношение к группам или соседям, на совокупном уровне формируются индексы, отражающие масштаб социального капитала. Основное предположение здесь заключается в том, что только благодаря взаимности и доверию, а также на основе общих ценностей и норм возникает регулярное взаимодействие, которое, в свою очередь, обеспечивает доступ к ресурсам внутри групп и развитие социального капитала [29, 30]. Соответственно, чем выше уровень доверия к собственной среде обитания, тем больше вероятность развития устойчивых структур социальных отношений. Наличие такой связи подтверждается [31].

Выделяются три измерения социального капитала: структурное, реляционное и когнитивное [32]. Структурный капитал отражает положение пользователей в социальной системе и определяет их возможность получать доступ к ресурсам [33]. Реляционный капитал описывает уровень доверия между участниками сети [34]. Когнитивное измерение социального капитала относится к тем источникам, которые обеспечивают интерпретации и системы общих значений среди групп. Социальное взаимодействие в этом смысле зависит от индивидуальных убеждений, позволяющих разделять индивидуальные социальные ценности [32].

Помимо доверия как субъективной убежденности в том, что другая сторона не будет действовать исключительно в личных интересах, другой важной переменной для понимания взаимодействия и накопления социального капитала является воспринимаемая выгода. Внешняя и внутренняя мотивация, которые представляет собой различные формы воспринимаемой выгоды, влияет на намерения делиться знаниями, информацией и другими ресурсами [35]. Исследователи отмечают, что одним из факторов, влияющих на общее доверие, является неравенство, преобладающее внутри общества [36]. Различия в распределении доходов были связаны с различиями в режимах благосостояния, а именно с различиями между универсализмом и проверкой нуждаемости в государствах всеобщего благосостояния [37], а также с политикой социального обеспечения.

2 Методология исследования

Социальные взаимодействия, в которые включены различные группы российского населения, находятся под влиянием существенной институциональной турбулентности. Окончание периода коронавирусной пандемии ознаменовало собой новый цикл многоаспектной нестабильности, который оказывает влияние на самый широкий спектр социальных практик, реализуемых россиянами.

Для выявления особенностей включенности населения в систему социальных взаимодействий использованы результаты массового опроса россиян, реализованного в марте 2023 года по выборке, репрезентирующей население страны в возрасте 18 лет и старше. Опрос проведен с использованием специально разработанного исследовательского инструментария. Объем выборочной совокупности составил 2016 респондентов. Характеристики выборочных совокупностей в целом соответствуют половозрастной и поселенческой структуре населения России. Ошибка выборки для 95-процентного доверительного интервала не превышает 2,5 п.п.

Целеполагание анализа полученных результатов направлено на выявление и раскрытие особенностей:

- Круга доверительного общения россиян.
- Динамики межличностных отношений с родственниками и близкими друзьями на горизонте прошедшего года.
- Уровня межличностного и институционального доверия.
- Субъектной широты межгруппового и институционального доверия.
- Динамики межличностного доверия, за пределами «близкого круга» родственников и друзей.
- Субъектных групп, воспринимаемых россиянами потенциальными акторами помощи и поддержки в случае необходимости.
- Распространенности получения материальной помощи (с различной периодичностью) от проживающих отдельно родственников и друзей.
- Видов потенциально ожидаемой помощи со стороны социального окружения.
- Уровня потенциально ресурсных социальных взаимодействий различных групп населения страны.

3 Доверительные социальные взаимодействия

Эмоциональный и ментальный комфорт жизни человека в значительной степени определяется наличием среды доверительного общения. Более 90% россиян отметили наличие партнеров по доверительному общению среди близких друзей, родственников, коллег и прочих представителей референтной среды. При этом значительный круг близкого общения, размер которого превышает о дного-двух человек, характеризует только 41% опрошенных.

Среди жителей крупных городов несколько выше доля более «широкого» круга доверительного взаимодействия, что вполне объяснимо – жители мегаполисов существуют в окружении большего числа социальных измерений, имеют более широкую среду общения, и несколько чаще готовы впускать в свой самый ближний круг доверительного общения больше пары социальных партнеров. Интересно также, что доля тех, кто имеет тесные доверительные отношения более чем с десятью людьми, наиболее высока среди сельских жителей. Как можно предположить, в данном случае сказывается специфика проживания в малом населенном пункте, где плотность социальных взаимодействий повышена (рисунок 1).

Рисунок 1. Характеристика круга доверительного общения, по типам поселений, %

Источник: данные репрезентативного социологического опроса ИНСАП РАНХиГС, март 2023 г., N= 2016.

Женщины реже, чем мужчины, указывают, что в их окружении нет людей, кому они могли бы довериться. Однако среди молодых и пожилых мужчин выше доля тех, кто имеет очень широкие доверительные отношения – с десятью и более людьми. Так, в группе респондентов старше 55 лет 15% мужчин заявили, что имеют широкий или максимальный круг доверительных коммуникаций, тогда как среди женщин аналогичного возраста такая ситуация характеризует только 10%. В

молодежных группах среди мужчин доля имеющих широкие социальные контакты также выше. Женщины, в свою очередь, чаще характеризуются ограниченным или средним уровнем общения (рисунок 2).

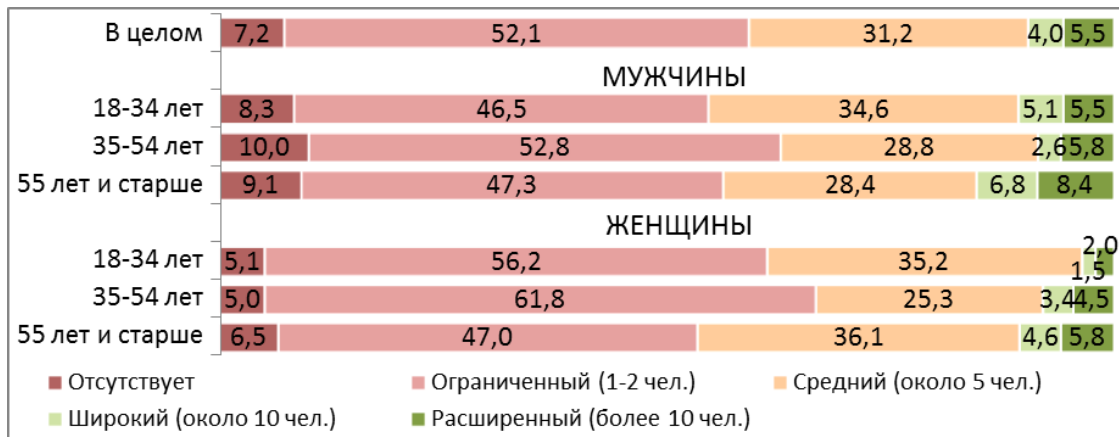

Рисунок 2. Характеристика круга доверительного общения, по половозрастным группам, %

Источник: данные репрезентативного социологического опроса ИНСАП РАНХиГС, март 2023 г., N= 2016.

Россияне с низким уровнем материальной обеспеченности имеют и более низкие показатели включенности в систему персональных доверительных взаимодействий. Около 45% оценивших собственное материальное положение как достаточно благополучное имеют средние и выше показатели доверительного общения, тогда как среди самых бедных подобный уровень коммуникаций характеризует немногим более трети. Также среди имеющих низкий материальный достаток 12% вообще не имеют близких людей, и это вдвое выше показателей в других группах материального статуса (рисунок 3).

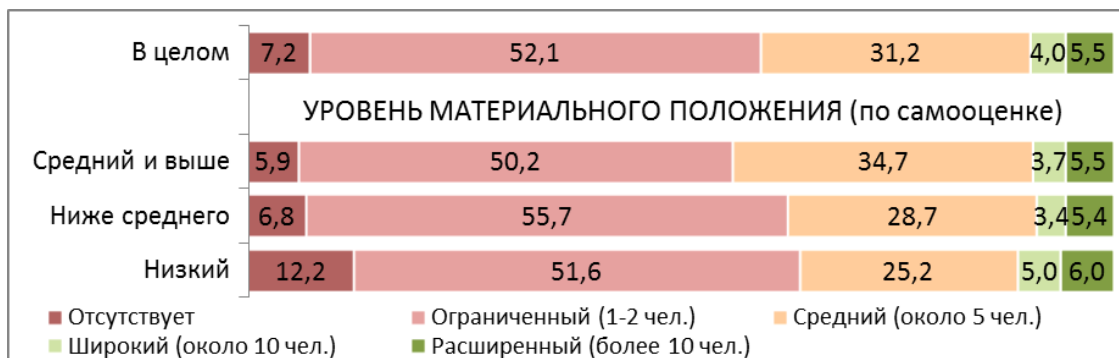

Рисунок 3. Характеристика круга доверительного общения, по группам материальной обеспеченности, %

Источник: данные репрезентативного социологического опроса ИНСАП РАНХиГС, март 2023 г., N= 2016.

Для подавляющего большинства россиян отношения с близкими людьми (родственниками и друзьями) за последний год не претерпели изменений. При этом улучшение отношений отметили 15%, а ухудшение – лишь 6,5%. Наиболее стабильные межличностные отношения отмечаются у представителей старшей когорты, как мужчин, так и женщин – около 85% россиян этой возрастной группы заявили, что их отношения с близкими не изменились. Наиболее волатильны отношения в молодежной среде (т.е. у представителей возрастной группы до 35 лет), при этом как среди мужчин, так и среди женщин существенно чаще отмечается негативная динамика: об улучшении отношений заявили четверть мужчин и 29% женщин, об ухудшении – около 10% в обеих гендерных группах (рисунок 4).

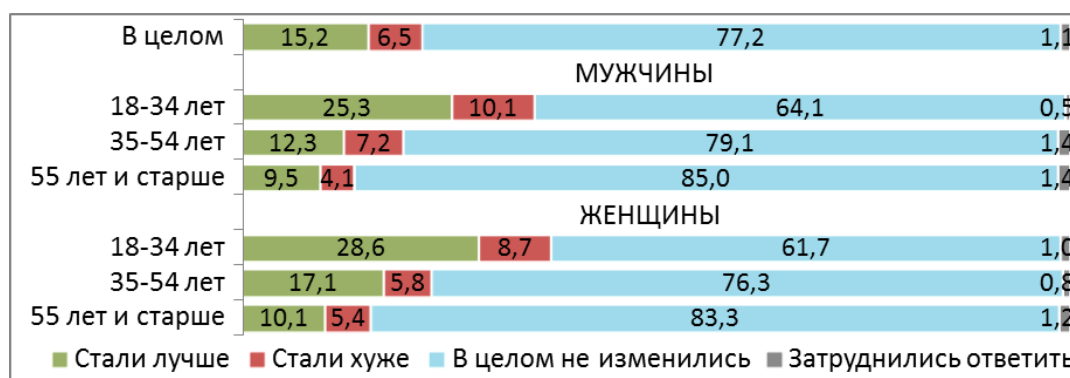

Рисунок 4. Самооценка динамики межличностных отношений с родственниками и близкими друзьями за последний год, по половозрастным группам, % по столбцу

Источник: данные репрезентативного социологического опроса ИНСАП РАНХиГС, март 2023 г., N= 2016.

Позитивная динамика межличностных отношений реже отмечается среди имеющих материальный статус ниже, чем средний. Доля отметивших ухудшение отношений с близкими составляет 11% среди наименее финансово благополучных, тогда как в числе более обеспеченных распространенность подобного ответа в 1,5-2 раза меньше (рисунок 5).

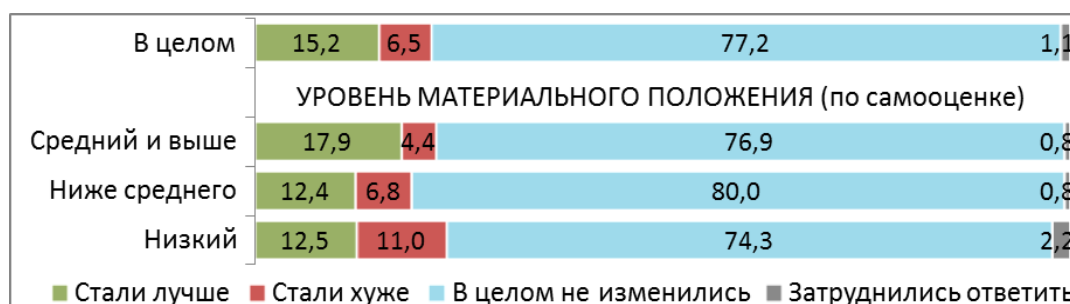

Рисунок 5. Самооценка динамики межличностных отношений с родственниками и близкими друзьями за последний год, по группам материальной обеспеченности, %

Источник: данные репрезентативного социологического опроса ИНСАП РАНХиГС, март 2023 г., N= 2016.

Обращаясь к уровню доверия россиян в системе персональных и институциональных взаимодействий, то, как показывают результаты исследования, наибольшее доверие россияне испытывают к родственникам (85%) и друзьям (75%). В отношении государственных институтов уровень доверия существенно ниже – правоохранительным органам доверяют 46%, федеральным каналам – 31%. Очень невысоко доверие участникам интернет-сообществ – о том, что они в целом скорее доверяют людям в соответствующей системе коммуникаций, заявили только 10% опрошенных (рисунок 6).

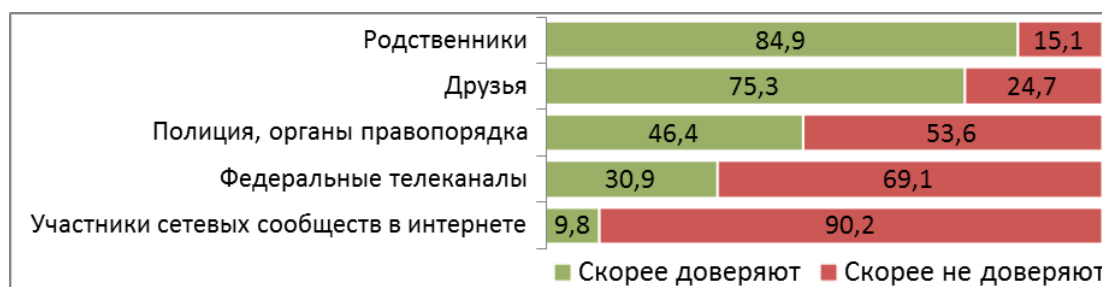

Рисунок 6. Уровень межличностного и институционального доверия, % по строке

Источник: данные репрезентативного социологического опроса ИНСАП РАНХиГС, март 2023 г., N= 2016.

Характеристики социального доверия имеют специфику на уровне различных социально-демографических групп. И если уровень доверия родственникам одинаково высок во всех группах, то, например, доверие друзьям в городах менее 250 тыс. жителей и в сельской местности находится на уровне около 70%, тогда как в крупных городах – не менее 80%. И, напротив, в небольших населенных пунктах больше доверяют федеральным телеканалам (таблица 2).

Таблица 2

Уровень межличностного и институционального доверия (доля ответов «скорее доверяю»), по типам поселений, %

Социальные группы и институты	Тип поселения			
	Города более 1 млн чел	Города более 250 тыс. чел.	Города 250 тыс. чел. и менее	Сельские поселения
Родственники	85,2	86,0	84,7	84,9
Друзья	80,8	81,3	71,9	69,7
Полиция, органы правопорядка	43,3	45,0	48,1	47,5
Федеральные телеканалы	23,0	28,9	33,4	36,2
Участники сетевых сообществ в интернете	8,7	10,9	8,5	11,5

Источник: данные репрезентативного социологического опроса ИНСАП РАНХиГС, март 2023 г., N= 2016.

Дифференциация декларируемого доверия отмечается и по возрастным когортам россиян. Молодые люди в большей степени, чем опрошенные среднего и

старшего возраста, доверяют органам правопорядка (разница составляет около 10 п.п.), а также участникам интернет-сообществ. В то же время, всего 16,5% молодежи доверяет федеральным каналам, тогда как в группе 55 лет старше подобное мнение характеризует уже 43% опрошенных (таблица 3).

Таблица 3

Уровень межличностного и институционального доверия (доля ответов «скорее доверяю»), по возрастным группам, %

Социальные группы и институты	Возрастные группы		
	До 35 лет	35-54 года	55 лет и старше
Родственники	83,3	83,6	87,0
Друзья	78,5	76,4	72,6
Полиция, органы правопорядка	54,2	45,4	43,3
Федеральные телеканалы	16,5	26,0	43,3
Участники сетевых сообществ в интернете	13,6	10,5	7,2

Источник: данные репрезентативного социологического опроса ИНСАП РАНХиГС, март 2023 г., N= 2016.

Сравнительно низок уровень доверия к представителям всех рассматриваемых субъектных групп среди россиян с низкими доходами, и различия с имеющими более благополучное материальное положение достаточно существенны (таблица 4).

Таблица 4

Уровень межличностного и институционального доверия (доля ответов «скорее доверяю»), по группам материальной обеспеченности, %

Социальные группы и институты	Уровень материального положения, самооценка		
	Средний и выше	Ниже среднего	Низкий
Родственники	87,9	86,5	75,6
Друзья	82,2	74,9	59,9
Полиция, органы правопорядка	52,7	46,4	31,2
Федеральные телеканалы	31,0	33,7	25,7
Участники сетевых сообществ в интернете	10,9	9,4	8,0

Источник: данные репрезентативного социологического опроса ИНСАП РАНХиГС, март 2023 г., N= 2016.

На основании комбинации ответов о наличии доверия к представителям выделенных в исследовании социальных субъектов можно рассчитать интегральный показатель, позволяющий оценить субъектную широту межгруппового и институционального доверия через количество субъектов взаимодействий, в отношении которых это доверие декларируется. Как показало исследование, для 52% населения соответствующий показатель не выходит за пределы двух субъектных групп (при этом для около 20% опрошенных он соответствует нулю или единице), и

лишь немногим более 20% респондентов характеризуются высоким интегральным уровнем (рисунк 7).

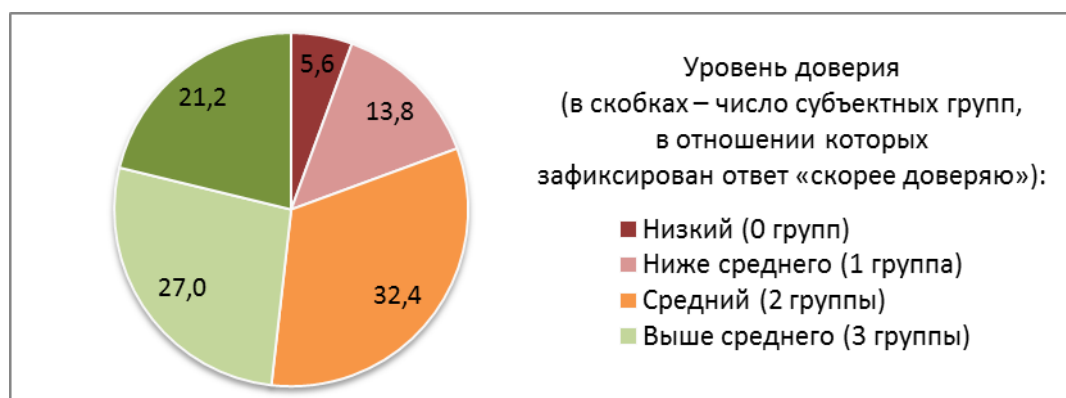

Рисунок 7. Интегральная оценка субъективной широты межгруппового и институционального доверия, %

Источник: данные репрезентативного социологического опроса ИНСАП РАНХиГС, март 2023 г., N= 2016.

Рассматриваемый интегральный показатель доверия сравнительно низок среди молодых мужчин – почти 60% испытывают доверие не более чем к двум субъектным группам. Самые высокие показатели субъективной распространенности доверия отмечены у мужчин и женщин старшей возрастной когорты (таблица 5).

Таблица 5

Интегральная оценка субъективной широты межгруппового и институционального доверия, по половозрастным группам, % по столбцу

Уровень доверия (в скобках – число субъектных групп, в отношении которых зафиксирован ответ «скорее доверяю»)	Половозрастные группы					
	Мужчины			Женщины		
	18-34 лет	35-54 лет	55 лет и старше	18-34 лет	35-54 лет	55 лет и старше
Низкий (0 групп)	6,0	7,0	4,7	4,1	6,3	4,6
Ниже среднего (1 группа)	13,4	15,3	15,2	13,8	12,9	12,7
Средний (2 группы)	40,1	32,0	30,5	25,0	33,4	32,7
Выше среднего (3 группы)	28,1	25,5	26,0	33,6	26,6	26,0
Высокий (4 группы и более)	12,4	20,2	23,6	23,5	20,8	24,0

Источник: данные репрезентативного социологического опроса ИНСАП РАНХиГС, март 2023 г., N= 2016.

У наименее обеспеченных отмечается сравнительно низкий уровень доверительных социальных отношений. Свыше 10% наименее благополучной группы декларируют отсутствие доверия представителям даже одной из субъектных групп и лишь около трети демонстрируют высокий или выше среднего уровень широты доверительных отношений. При этом показатели двух групп с самооценкой материального статуса превышающей низкую, достаточно близки (таблица 6).

Таблица 6

Интегральная оценка субъектной широты межгруппового и институционального доверия, по группам материальной обеспеченности, % по столбцу

Уровень доверия (в скобках – число субъектных групп, в отношении которых зафиксирован ответ «скорее доверяю»)	Уровень мат. положения, самооценка		
	Средний и выше	Ниже среднего	Низкий
Низкий (0 групп)	3,4	4,7	12,0
Ниже среднего (1 группа)	10,3	14,3	20,9
Средний (2 группы)	32,9	31,0	35,0
Выше среднего (3 группы)	28,7	27,7	20,4
Высокий (4 группы и более)	24,7	22,3	11,7

Источник: данные репрезентативного социологического опроса ИНСАП РАНХиГС, март 2023 г., N= 2016.

Рассмотрим динамику доверия за пределами ближнего круга родственно-дружеского общения.

За последний год степень доверия россиян лицам, не входящим в «ближний круг» (родственники, близкие друзья), в большинстве случаев осталась неизменной (76% не почувствовали никаких изменений). При этом 19% стали доверять окружающим меньше, тогда как позитивная динамика доверия характеризует лишь 2% опрошенных. Закономерно, что в группах с пониженным уровнем интегральной оценки субъектной широты межгруппового и институционального доверия негативная динамика доверия выражена сильнее. В группах со средним и выше показателем доверительных социальных взаимодействий рост настороженности по отношению к представителям «внешнего» круга взаимодействия проявляется в меньшей степени. Так, среди демонстрирующих доверие в отношении 4-5 субъектов подавляющее большинство (88%) не изменили свое отношение к представителям удаленных социальных групп, а ухудшили его только 8% (таблица 7).

Таблица 7

Самооценка динамики межличностного доверия, за пределами «близкого круга», за последний год, по группам интегральной оценки субъектной широты межгруппового и институционального доверия, % по строке

Уровень доверия (в скобках – число субъектных групп, в отношении которых зафиксирован ответ «скорее доверяю»)	Изменение уровня межличностного доверия, за пределами «близкого круга», за последний год			
	Стали больше доверять	Стали меньше доверять	Уровень доверия не изменился	Затруднились ответить
Низкий (0 групп)	1,8	25,9	70,5	1,8
Ниже среднего (1 группа)	2,5	29,4	64,2	3,9
Средний (2 группы)	2,5	23,3	71,4	2,8
Выше среднего (3 группы)	2,0	17,1	79,6	1,3
Высокий (4 группы и более)	2,3	8,4	87,9	1,4

Источник: данные репрезентативного социологического опроса ИНСАП РАНХиГС, март 2023 г., N= 2016.

Как показало исследование, в наибольшей мере падение доверия произошло среди молодежи, особенно среди молодых мужчин, среди которых 23% стали меньше доверять тем, кто не входит в «близкий круг» отношений и общения. При этом представители старшей возрастной когорты (как мужчины, так и женщины) в наименьшей степени демонстрируют негативную динамику социального доверия.

Жители самых крупных городов несколько чаще демонстрировали снижение доверия в отношении тех, кто не входит в их «ближний круг»: в этой группе отношение не изменилось у 73% россиян, а ухудшилось у 23%. В менее крупных населенных пунктах ответы демонстрируют меньшую распространенность негативной динамики, что ярче всего выражено проявляется в сельских поселениях (таблица 8).

Таблица 8

Самооценка динамики межличностного доверия за пределами «близкого круга», за последний год, по типам поселений, % по столбцу

Изменение уровня межличностного доверия, за пределами «близкого круга», за последний год	Тип поселения			
	Города более 1 млн чел	Города более 250 тыс. чел.	Города 250 тыс. чел. и менее	Сельские поселения
Стали больше доверять	2,3	1,7	1,9	3,4
Стали меньше доверять	22,8	19,2	19,2	17,7
Без изменений	72,8	76,5	76,5	77,8
Затруднились ответить	2,1	2,6	2,4	1,1

Источник: данные репрезентативного социологического опроса ИНСАП РАНХиГС, март 2023 г., N= 2016.

Россияне с низким уровнем материального благосостояния чаще отмечали, что стали меньше доверять людям, не входящим в «ближний круг». Об этом заявили почти четверть наименее обеспеченных, при том, что среди людей со средним и высоким материальным достатком указали на снижение доверия только 17% опрошенных (таблица 9).

Таблица 9

Самооценка динамики межличностного доверия за пределами «близкого круга», за последний год, по группам материальной обеспеченности, % по столбцу

Изменение уровня межличностного доверия, за пределами «близкого круга», за последний год	Уровень материального положения, самооценка		
	Низкий	Ниже среднего	Средний и выше
Стали больше доверять	3,0	1,0	2,9
Стали меньше доверять	24,4	20,8	16,8
Без изменений	70,4	75,8	78,7
Затруднились ответить	2,2	2,4	1,6

Источник: данные репрезентативного социологического опроса ИНСАП РАНХиГС, март 2023 г., N= 2016.

Таким образом, как показало исследование, подавляющее большинство россиян имеет в своем окружении людей, с которыми они могут поделиться проблемами и получить моральную поддержку. При этом в большинстве случаев круг подобного доверительного общения достаточно узок и не превышает нескольких человек, в том числе для около половины опрошенных – одного-двух.

Отношения россиян с близкими характеризуются достаточной стабильностью (три четверти населения за последний год не ощутили серьезных изменений в подобных отношениях), при этом с точки зрения массовой динамики этих отношений отмечается заметный позитив (положительные изменения и улучшение отношений фиксируются существенно чаще, чем отрицательные). Группа, в которой общий вектор межличностных отношений меняется наиболее массово (и чаще всего, позитивно), – это молодежь в возрасте до 35 лет.

Характеризуя наличие доверия различным социальным группам и институтам, большинство опрошенных отмечает, что доверяет родственникам и, в несколько меньшей степени, – друзьям. Представителям правоохранительных органов выражают доверие менее половины респондентов, а федеральным телеканалам – только 30%. Уровень институционального доверия несколько выше в небольших городах и сельских поселениях.

4 Потенциально ресурсные социальные взаимодействия

Потенциально ресурсные социальные взаимодействия – это аспект межличностных взаимодействий, в которых индивид может рассчитывать на содействие представителей различных социальных групп и институтов в решении своих проблем и удовлетворении возникающих потребностей. При этом индивид может ожидать помощи или содействия как исключительно от родственников и друзей, так и от более широкого круга социальных субъектов. Уровень потенциально ресурсных социальных взаимодействий показывает, насколько широк, по собственной оценке индивида, набор социальных групп, на помощь которых в трудной ситуации он может рассчитывать. Хотя индивид может заблуждаться по отношению к реальным действиям представителей разных групп, тем не менее, это отражает его представления об уровне социальной сплоченности, существующей в обществе. Поскольку соответствующие суждения выносятся на основе накопленного социального опыта и восприятия внешней среды, можно предполагать, что индивид, с некоторой долей рациональности восприятия, рассчитывающий на помощь широкого круга социальных субъектов, действительно получит более значительную помощь, чем тот, кто изначально рассчитывает только на собственные силы, либо на поддержку исключительно со стороны ближнего круга родственников и друзей.

Результаты исследования показывают, что россияне в наибольшей степени готовы ожидать помощи от родственников (77%) и друзей (62%). На представителей более дальних «социальных кругов» рассчитывают существенно меньшее число граждан: на коллег по собственной оценке могут полагаться 38%, на государственные органы – 31%, а на общественные организации – только 20%. Восприятие в качестве действенного субъекта помощи и поддержки представителей сетевых интернет-сообществ выражено лишь в минимальной степени (рисунок 8).

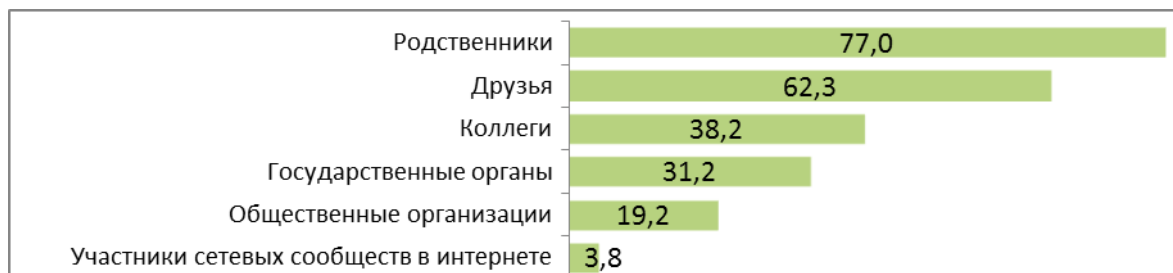

Рисунок 8. Субъектные группы, воспринимаемые потенциальными акторами помощи и поддержки в случае необходимости (допускалось несколько ответов), %

Источник: данные репрезентативного социологического опроса ИНСАП РАНХиГС, март 2023 г., N= 2016.

Женщины несколько чаще мужчин декларируют возможность обращения за помощью к родственникам. При этом для мужчин в существенно большей степени субъектом необходимой поддержки могут выступать коллеги (таблица 10).

Таблица 10

Субъектные группы, воспринимаемые потенциальными акторами помощи и поддержки в случае необходимости, по гендерным группам, %, допускалось несколько ответов

Субъектные группы	Гендерные группы	
	Мужчины	Женщины
Родственники	73,0	80,5
Друзья	64,6	60,3
Коллеги	44,4	32,8
Участники сетевых сообществ в интернете	3,8	3,4
Государственные органы	31,8	30,7
Общественные организации	19,4	19,9

Источник: данные репрезентативного социологического опроса ИНСАП РАНХиГС, март 2023 г., N= 2016.

В старшей возрастной группе менее выражено мнение о возможности помощи со стороны большинства из рассматриваемых акторов. Подобная возрастная дифференциация наиболее заметна в отношении коллег (это очевидно объясняется тем, что среди старшей когорты доля занятых минимальна), но проявляется и в других отношениях. Лишь на родственников представители старшей когорты рассчитывают в той же степени, что и более молодые россияне (таблица 11).

Таблица 11

Субъектные группы, воспринимаемые потенциальными акторами помощи и поддержки в случае необходимости, по возрастным группам, %, допускалось несколько ответов

Субъектные группы	Возрастные группы		
	До 35 лет	35-54 года	55 лет и старше
Родственники	81,4	74,1	77,7
Друзья	73,8	64,0	54,5
Коллеги	51,3	44,6	24,9
Участники сетевых сообществ в интернете	6,3	4,1	1,6
Государственные органы	41,6	31,1	25,9
Общественные организации	31,2	20,0	13,3

Источник: данные репрезентативного социологического опроса ИНСАП РАНХиГС, март 2023 г., N= 2016.

Суммирование количества субъектных групп (из шести выделенных в исследовании и обозначенных выше), воспринимаемых россиянами в качестве потенциальных акторов помощи и поддержки, позволяет определить уровень широты ресурсных социальных взаимодействий. Отсутствие субъектов, воспринимаемых потенциальными ресурсными донорами, характеризует 11%

опрошенных. Около 20% россиян, на основе наличия единственной субъектной группы, на которую возлагаются ожидания потенциально требуемых ресурсных перетоков, составляют часть населения с пониженными социальными возможностями. Две сопоставимые по численности группы (около четверти опрошенных в каждой) обладают средними и расширенными социальными возможностями, отмечая потенциал, соответственно, двух и трех субъектных групп. Высокий уровень, то есть предполагаемые возможности результативного обращения к представителям четырех и более общественных подсистем, отвечает представлениям 20% россиян (рисунок 9).

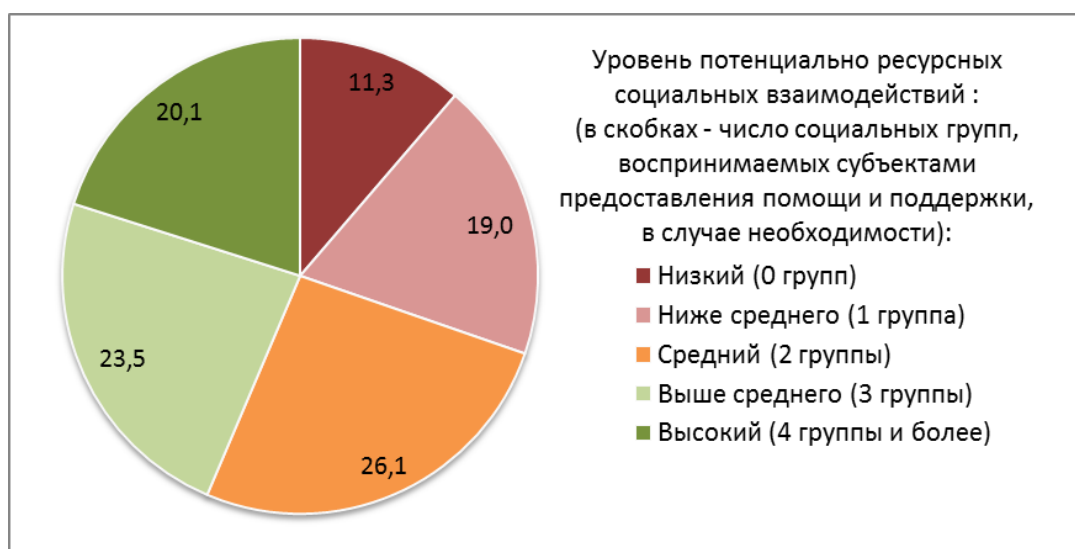

Рисунок 9. Уровень потенциально ресурсных социальных взаимодействий (число социальных групп, воспринимаемых субъектами предоставления помощи и поддержки, в случае необходимости), % по столбцу

Источник: данные репрезентативного социологического опроса ИНСАП РАНХиГС, март 2023 г., N= 2016.

Как и можно было ожидать, существует прямая зависимость между показателем интегральной оценки субъектной широты межгруппового и институционального доверия и потенциалом ресурсных социальных взаимодействий. Россияне с низким уровнем доверительных социальных взаимодействий имеют меньше шансов рассчитывать на помощь от разных социальных групп. И, напротив, доверяющие широкому кругу социальных групп и институтов чаще рассчитывают на помощь со стороны широкого круга общественных акторов (таблица 12).

Таблица 12

Уровень потенциально ресурсных социальных взаимодействий, по группам интегральной оценки субъектной широты межгруппового и институционального доверия, % по строке

Уровень доверия (число субъектных групп, в отношении которых зафиксирован ответ «скорее доверяю»)	Уровень потенциально ресурсных социальных взаимодействий (число социальных групп, воспринимаемых субъектами предоставления помощи и поддержки, в случае необходимости)				
	Низкий (0 субъектов)	Ниже среднего (1 субъект)	Средний (2 субъекта)	Выше среднего (3 субъекта)	Высокий (4-6 субъектов)
Низкий (0 групп)	37,4	25,9	17,9	15,2	3,6
Ниже среднего (1 группа)	20,4	35,9	24,7	14,7	4,3
Средний (2 группы)	11,0	19,6	29,7	27,0	12,7
Выше среднего (3 группы)	6,3	13,6	26,1	27,0	27,0
Высокий (4 группы и более)	5,1	12,1	23,8	21,5	37,5

Источник: данные репрезентативного социологического опроса ИНСАП РАНХиГС, март 2023 г., N= 2016.

Обладающие более высоким уровнем потенциально ресурсных социальных взаимодействий имеют более низкую иждивенческую нагрузку. И, наоборот, в семьях, где много неработающих (или все не работают), отмечается пониженный уровень потенциально ресурсных социальных взаимодействий. Это связано с влиянием занятости на широту круга социальных связей: работающие вовлечены в большее число социальных взаимодействий, поэтому чем больше занятых в семье, тем шире круг социальных групп, на которые может рассчитывать домохозяйство в целом и каждый из его представителей (таблица 13).

Таблица 13

Доля работающих членов домохозяйств, по уровню потенциально ресурсных социальных взаимодействий, % по строке

Уровень потенциально ресурсных социальных взаимодействий (число социальных групп, воспринимаемых субъектами предоставления помощи и поддержки, в случае необходимости)	Доля работающих членов домохозяйства				
	Все	Больше половины	Половина	Меньше половины	Никто
Низкий (0 субъектов)	18,5	13,2	19,4	17,6	31,3
Ниже среднего (1 субъект)	17,5	10,8	17,5	21,2	33,0
Средний (2 субъекта)	17,9	13,2	19,2	22,1	27,6
Выше среднего (3 субъекта)	25,3	13,0	19,8	23,8	18,1
Высокий (4-6 субъектов)	24,3	16,7	23,9	20,9	14,2

Источник: данные репрезентативного социологического опроса ИНСАП РАНХиГС, март 2023 г., N= 2016.

В каждой более возрастной когорте россиян уровень потенциальных ресурсных социальных взаимодействий снижается, приводя к сокращению возможностей получения помощи и поддержки. Самый высокий ресурсный потенциал рассматриваемой категории характеризует молодежь (таблица 14).

Таблица 14

Уровень потенциально ресурсных социальных взаимодействий, по возрастным группам, % по строке

Возрастные группы	Уровень потенциально ресурсных социальных взаимодействий (число социальных групп, воспринимаемых субъектами предоставления помощи и поддержки, в случае необходимости)				
	Низкий (0 субъектов)	Ниже среднего (1 субъект)	Средний (2 субъекта)	Выше среднего (3 субъекта)	Высокий (4-6 субъектов)
До 35 лет	7,3	9,9	24,0	26,2	32,6
35-54 года	12,6	16,5	23,9	25,2	21,8
55 лет и старше	12,0	26,3	29,5	20,3	11,9

Источник: данные репрезентативного социологического опроса ИНСАП РАНХиГС, март 2023 г., N= 2016.

В небольших городах и сельских поселениях минимальные значения ресурсной обеспеченности несколько более распространены, однако в целом территориально-поселенческая дифференциация достаточно невелика (таблица 15).

Таблица 15

Уровень потенциально ресурсных социальных взаимодействий, по типам поселений, % по строке

Тип поселения	Уровень потенциально ресурсных социальных взаимодействий (число социальных групп, воспринимаемых субъектами предоставления помощи и поддержки, в случае необходимости)				
	Низкий (0 субъектов)	Ниже среднего (1 субъект)	Средний (2 субъекта)	Выше среднего (3 субъекта)	Высокий (4-6 субъектов)
Города более 1 млн чел	9,9	17,3	27,5	23,3	22,0
Города более 250 тыс. чел.	11,4	15,9	26,3	25,1	21,3
Города 250 тыс. чел. и менее	12,5	20,5	25,9	22,9	18,1
Сельские поселения	12,2	21,1	24,8	21,8	20,2

Источник: данные репрезентативного социологического опроса ИНСАП РАНХиГС, март 2023 г., N= 2016.

Согласно результатам исследования, 19% россиян регулярно получают материальную помощь (с различной периодичностью и разного объема) от проживающих отдельно родственников или друзей. Чаще о получении регулярной материальной помощи заявляют женщины (среди которых реципиентами выступают 24% опрошенных).

Меньше всего получает регулярную материальную помощь от родственников и друзей возрастная группа 35-54 года – 12%. Разница в данных между представителями младшей и старшей когорт практически отсутствует, однако представляется очевидным, что базис такой поддержки формируется из разных источников: молодежи приоритетно помогают родители, а представителям старшей группы – их взрослые дети (*рисунок 10*).

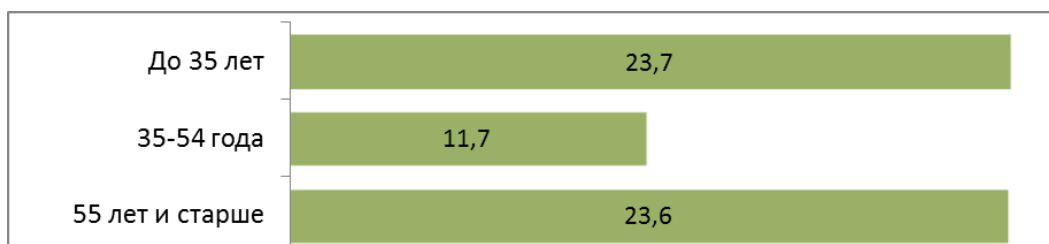

Рисунок 10. Получение материальной помощи (с различной периодичностью) от проживающих отдельно родственников и друзей, по возрастным группам, %

Источник: данные репрезентативного социологического опроса ИНСАП РАНХиГС, март 2023 г., N= 2016.

Массовые формы потенциально ожидаемой помощи со стороны социального окружения достаточно разнообразны. Большинство опрошенных (70%) предполагают, что социальное окружение в случае необходимости может предоставить им финансовую помощь, в некоторых случаях – и на невозвратных основаниях. Несколько реже видом потенциальной поддержки выступает помощь в поиске специалистов, необходимых для решения вопросов, связанных с лечением членов семьи или получением ими образования (отметили 58% опрошенных). Около половины россиян в случае необходимости надеются на помощь от социального окружения при трудоустройстве (*рисунок 11*).

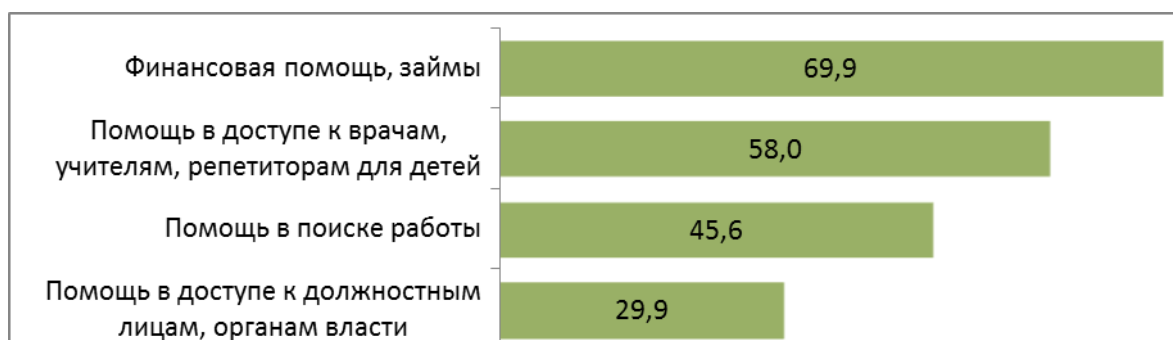

Рисунок 11. Виды потенциально ожидаемой помощи со стороны социального окружения (допускалось несколько ответов), %

Источник: данные репрезентативного социологического опроса ИНСАП РАНХиГС, март 2023 г., N= 2016.

Представители обеих гендерных групп в практически равной степени предполагают возможность обращения к представителям социального окружения для решения большинства жизненных проблем. Некоторым исключением здесь выступает необходимость трудоустройства: женщины несколько реже мужчин готовы прибегать к помощи в поиске работы (*таблица 16*).

Таблица 16

Виды потенциально ожидаемой помощи со стороны социального окружения, по гендерным группам, %, допускалось несколько ответов

Виды потенциально ожидаемой помощи со стороны социального окружения	Гендерные группы	
	Мужчины	Женщины
Получить финансовую помощь или заем	70,2	69,6
Получить помощь в доступе к врачам, учителям, репетиторам для детей	58,6	57,6
Получить помощь в поиске работы	50,0	41,7
Получить помощь в доступе к должностным лицам, органам власти	28,9	30,7

Источник: данные репрезентативного социологического опроса ИНСАП РАНХиГС, март 2023 г., N= 2016.

В наибольшей степени к обращению за помощью для решения проблем и задач готовы представители молодой когорты, а представители группы старшего возраста декларируют наиболее узкий круг задач, которые видятся возможными для решения при помощи потенциала социальных взаимодействий (*таблица 17*).

Таблица 17

Виды потенциально ожидаемой помощи со стороны социального окружения, по возрастным группам, %, допускалось несколько ответов

Виды потенциально ожидаемой помощи со стороны социального окружения	Возрастные группы		
	До 35 лет	35-54 года	55 лет и старше
Получить финансовую помощь или заем	78,0	70,2	65,4
Получить помощь в доступе к врачам, учителям, репетиторам для детей	71,2	58,4	50,8
Получить помощь в поиске работы	69,5	53,3	25,3
Получить помощь в доступе к должностным лицам, органам власти	39,5	29,0	25,8

Источник: данные репрезентативного социологического опроса ИНСАП РАНХиГС, март 2023 г., N= 2016.

Обобщая, можно отметить, что в наибольшей степени россияне готовы ожидать помощи и поддержки от представителей ближнего коммуникационного круга – родственников и близких друзей. Представления о ресурсной значимости институциональных контактов – государственных органов и общественных организаций – существенно ограничены. Чем шире социальные связи россиян, тем больше возможностей они, по собственным представлениям, имеют для получения помощи.

Заключение

В ходе исследования, реализованного на данных актуального репрезентативного социологического опроса населения, выявлены особенности системы социальных взаимодействий, в которую включены различные группы россиян. Важно подчеркнуть, что подавляющее большинство населения отмечают наличие партнеров по доверительному общению среди близких друзей, родственников, коллег и прочих представителей референтной среды. При этом значительный круг доверительного общения, размер которого превышает одного-двух человек, характеризует только 41% опрошенных.

Можно отметить достаточно высокий уровень декларируемого социального доверия в отношении представителей «ближнего круга»: о том, что они скорее доверяют родственникам, заявили 85% опрошенных, друзьям – 76%. Показатель доверия государственным институтам, представленным в исследовании правоохранительными органами, существенно ниже (находится на уровне менее 50%). О доверии официальным средствам массовой информации заявляют немногим менее трети опрошенных.

Полученные результаты иллюстрируют достаточно стабильно-позитивную картину динамики межличностных отношений россиян с представителями «ближнего круга». Около 80% опрошенных отмечают отсутствие сколь-либо заметных изменений в близких социальных взаимоотношениях за последний год. При этом 15% респондентов фиксируют улучшение таких взаимоотношений, а негативная динамика отмечается лишь на уровне около 7% выборочной совокупности. Проблемой представляется негативная динамика социального доверия россиян за пределами узкого круга родственно-дружеского общения. Каждый пятый из респондентов заявил о снижении декларируемого доверия, тогда как доля полярной позитивной оценки чрезвычайно низка. В наибольшей степени (на уровне 23-25%) негативная динамика социального доверия характеризует представителей молодой когорты, жителей мегаполисов, а также респондентов, имеющих минимальный материальный статус.

Важной характеристикой системы социальных взаимодействий является ее ресурсная значимость, выраженная в субъективно воспринимаемых возможностях результативного обращения за получением помощи в случае подобной необходимости. Большинство опрошенных считают, что при наличии такой

потребности смогут рассчитывать на какую-либо помощь со стороны представителей социального окружения. Субъектной группой, на представителей которой возлагаются наиболее массовые надежды в потенциально трудной жизненной ситуации, ожидаемо являются родственники (77%). Несколько меньшие ожидания связаны с друзьями, на помощь которых рассчитывают 62% опрошенных. Около 40% респондентов отмечают, что в случае необходимости могут получить поддержку от коллег. На помощь государственных органов рассчитывают немногим более 30% опрошенных, а общественных организаций – около 20%.

Отсутствие субъектов, воспринимаемых потенциальными ресурсными донорами, характеризует 11% опрошенных. Около 20% россиян, на основе наличия единственной субъектной группы, на которую возлагаются ожидания потенциально требуемых ресурсных перетоков, составляют часть населения с пониженными социальными возможностями. Две сопоставимые по численности группы (около четверти опрошенных в каждой) обладают средними и расширенными социальными возможностями, отмечая потенциал, соответственно, двух и трех субъектных групп. Высокий уровень, то есть предполагаемые возможности результативного обращения к представителям четырех и более общественных подсистем, отвечает представлениям 20% россиян.

Отмечается существенная дифференциация рассматриваемых ресурсных возможностей по критерию материальной обеспеченности. Если среди имеющих достаточно высокий материальный статус более половины опрошенных характеризуются уровнем потенциально ресурсных социальных взаимодействий, превышающим среднее значение, то в группе минимальной финансовой обеспеченности соответствующая доля составляет только 26%, в то время как 49% имеют низкое или ниже среднего значения социального ресурса. Важно также отметить возрастные особенности, в соответствии с которыми по мере перехода в каждую более старшую когорту субъектная широта потенциально полезных социальных связей существенно снижается.

Благодарности

Материал подготовлен в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС на 2023 год.

Список использованных источников

- 1 Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
- 2 Парсонс Т. О социальных системах. – М.: Академический Проект, 2002. – 832 с.
- 3 Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Под ред. В.В. Радаева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 680 с.
- 4 Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. – М.: Логос, 2005. – С. 64-112.
- 5 Homans G.C. The Human Group. New York: Harcourt Brace. 1950. – 36 p.
- 6 Blau P.M. Exchange and power in social life. Transaction Publishers. 1964 – 372 p.
- 7 Razak N.A., Pangil F., Zin M.L.M., Yunus N.A.M., Asnawi N.H. Theories of knowledge sharing behavior in business strategy // Procedia Economics and Finance. 2016. No. 37. Pp. 545-553.
- 8 Кули Ч.Х. Избранное. – М.: ИНИОН РАН. Центр социальных научно-информационных исследований, 2019. – 234 с.
- 9 Мид Дж. Г. Избранное. – М.: ИНИОН РАН. Центр социальных научно-информационных исследований, 2009. – 290 с.
- 10 Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. New York: Doubleday. 1959. – 255 p.
- 11 Turner R.J., Marino F. Social support and social structure: A descriptive epidemiology // Journal of Health and Social Behavior. 1994. No. 35(3). Pp. 193-212.
- 12 Uchino B.N. What a lifespan approach might tell us about why distinct measures of social support have differential links to physical health. // Journal of Social and Personal Relationships. 2009. No. 26 (1). Pp. 53-62.
- 13 Lin N., Ye X. et al. Social support and depressed mood: A structural analysis. // Journal of Health and Social Behavior. 1999. No. 40(4). Pp. 344-359.
- 14 Wills T.A., Shinar O. Measuring perceived and received social support. In Social support measurement and intervention – A guide for health and social scientists. Cohen S., Underwood L.G. (eds.). Oxford University Press, 2000. – Pp. 86-135.

- 15 Berkman L.F., Krishna A. Social network epidemiology. In Social epidemiology. Berkman L.F., Kawachi I. (eds.). Oxford University Press, 2014. – Pp. 234-289.
- 16 Bollen K.A., Hoyle R.H. Perceived cohesion: A conceptual and empirical examination. // Social Forces. 1990. No. 69(2). Pp. 479–504.
- 17 Kawachi I., Berkman, L. Social cohesion, social capital, and health. In Social epidemiology. Berkman L.F., Kawachi I. (eds.). Oxford University Press, 2014. – Pp. 290-319.
- 18 Laurence J., Bentley L. Does ethnic diversity have a negative effect on attitudes towards the community? A longitudinal analysis of the causal claims within the ethnic diversity and social cohesion debate. // European Sociological Review. 2016. No. 32(1). Pp. 54-67.
- 19 Burt R.S. Toward a structural theory of action. Network models of social structure, perception and action. New York: Academic Press, 1982. – 381 p.
- 20 Light R., Moody, J. The Oxford handbook of social networks. Oxford University Press, 2020. – 768 p.
- 21 Berkman L.F., Syme S.L. (1979). Social networks, host resistance, and mortality: A nine-year follow-up study of Alameda County residents. // American Journal of Epidemiology. 1979. No. 109(2). Pp. 186-204.
- 22 Gibson D. Taking turns and talking ties: Network structure and conversational sequences. // American Journal of Sociology. 2005. No. 110(6). Pp. 1561-1597.
- 23 Berkman L.F., Krishna A. (2014). Social network epidemiology. In Social epidemiology. Berkman L.F., Kawachi I. (eds.). Oxford University Press, 2014. – pp. 234-289.
- 24 Coleman J. S. Foundations of social theory. The Belknap Press of Harvard University, 1990. – 993 p.
- 25 Lin N. Inequality in social capital. // Contemporary Sociology. 2000. No. 29(6). Pp. 785-795.
- 26 Putnam R.D. Bowling Alone: Democracy in America at the End of the Twentieth Century. // Journal of Democracy. 1995. No. 6(1). Pp. 65-78.
- 27 Bourdieu P., Wacquant L. An Introduction to Reflexive Sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1992. – 332 p.
- 28 Granovetter M. The strength of weak ties. // American Journal of Sociology. 1973. No. 78(6). Pp. 1360-1380.

- 29 Dahl E., Malmberg-Heimonen I. Social inequality and health: The role of social capital. // *Sociology of Health & Illness*. 2010. No. 32(7). Pp. 1102-1119.
- 30 Putnam R.D. Tuning in, tuning out: The strange disappearance of social capital in America. // *Political Science and Politics*. 1995. No. 28(4). Pp. 664-683.
- 31 Airaksinen J., Elovainio M., Hakulinen C., Elovainio M., Lehtimäki T., Raitakari O.T., Keltikangas-Järvinen L., Jokela M. Neighborhood effects in depressive symptoms, social support, and mistrust: Longitudinal analysis with repeated measurements. // *Social Science & Medicine*. 2015. No. 136-137. Pp. 10-16.
- 32 Cyr S., Wei Choo C. The individual and social dynamics of knowledgesharing: An exploratory study. // *Journal of Documentation*. 2010. No. 66(6). Pp. 824-846.
- 33 Castro I., Roldán J.L. A mediation model between dimensions of socialcapital. // *International Business Review*. 2013. No. 22(6). Pp. 1034-1050.
- 34 Wei J., Zheng W., Zhang M. Social capital and knowledge transfer: A multi-level analysis. // *Human Relations*. 2011. No. 64(11). Pp. 1401-1423.
- 35 Lin H.F. Effects of extrinsic and intrinsic motivation on employee knowledge sharing intentions. // *Journal of Information Science*. 2007. No. 33(2). Pp. 135-149.
- 36 Boix C., Posner D. Social Capital: Explaining Its Origins and Effects on Government Performance. // *British Journal of Political Science*. 1998. No. 28(4). Pp. 686-695.
- 37 Korpi W., Palme J. The Paradox of Redistribution and Strategies of Equality – The Welfare State Institutions, Inequality, and Poverty in the Western Countries. // *American Sociological Review*. 1998. Vol.63. Pp. 661-687.

**В СЕРИИ ПРЕПРИНТОВ
РАНХиГС РАССМАТРИВАЮТСЯ
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К СОЗДАНИЮ, АКТИВНОМУ
ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ИННОВАЦИЙ В РАЗЛИЧНЫХ
СФЕРАХ ЭКОНОМИКИ
КАК КЛЮЧЕВОГО УСЛОВИЯ
ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ